

Питерский Зверев

СУДЬБА

4 декабря Игорю Майорову исполнилось бы 50 лет. Жизнь художника, ставшего культовой фигурой ленинградского андеграунда 70–80-х годов, прервалась в 1991-м. Его непредсказуемая, стихийная натура проявлялась во всем: он крепко пил, страдал запоями, азартно работал. Случалось, что за сутки рисовал более сотни акварелей. После второй тюрьмы потерял квартиру и жил где придется, у тех, кто примет. Высокий, крупный, синеглазый бородач, напоминавший былинного героя, сочинял стихи и не роптал на судьбу. Не верил в свою раннюю смерть. Близкому другу и художнику Роберту Габитову советовал беречь себя и не волноваться за него. "У меня род долгожителей, — объяснял Майоров. — Прабабушка прожила 114 лет, бабушка — 104 года, и я сам худо-бедно проживу лет 80".

Наталья СЕЛИВАНОВА

Что ожидало бы десятилетнего мальчика, рисунки которого отличали индивидуальное видение, чуть размытая линия в духе Тулуза-Лотрека и нарочито наложенный цвет, передающий страсть героя и напряжение композиции в целом? Премии, слава, деньги? Увы, Игорю Майорову была уготована совсем иная судьба. Впрочем, он стал обладателем премии, одной-единственной в жизни. В 1957-м в рамках Международного молодежного фестиваля его работы отправили в Индию, где они завоевали Гран-при в конкурсе детских рисунков. Вскоре он зачисляется в знаменитую в Питере Центральную художественную школу им. Иогансона при Академии художеств, в которой проучился четыре года. Легко поступил в Художественное училище им. Серова, где его педагогом стала М.Г. Гимме-Блок, племянница Александра Блока. В семнадцатилетнем юноше она высоко оценила талант живописца, его мягкий характер, дружила с ним. Марина Гимме-Блок писала Игорю и в тюрьму, в которую он угодил, взяв на себя "вину" младшего брата, любимца семьи. Мать так и сказала: "Игорь, если посадят Сережу, я не переживу". Пятнадцатилетний Сережа всего-навсего "надругался" над портретом Ленина. В 1965-м это грозило неусыпным контролем со стороны КГБ и трехлетним сроком за решеткой. Но, как говорится, нет худа без добра. В тюрьме он познакомился с Володей Артемьевым, сидевшим по 206-й за драку с милиционером. Они вместе занялись чеканкой и после освобождения продолжили это ремесло. Выйдя из тюрьмы в 1968-м, Майоров убедился, что система запретов и слежки для бывшего зэка сохраняется, правда, на воле она имеет иные свойства. Например, он был вынужден зарабатывать на жизнь портретами вождей и чеканными панно в революционном духе, сдавая работу под чужим именем. В противном случае срабатывала прошлая политическая неблагонадежность. Спасаясь от обвинений в тунеядстве, как и многие представители неофициального искусства (ни о каком членстве в творческом союзе не могло быть и речи), он работал то сторожем, то вахтером. И продолжал писать акварели. Легко прощался с рисунками, дарил тем, кто оказывался рядом в компании, никогда и не задумывался адекватно оценить профессиональную и материальную стороны творчества. Да и кто мог

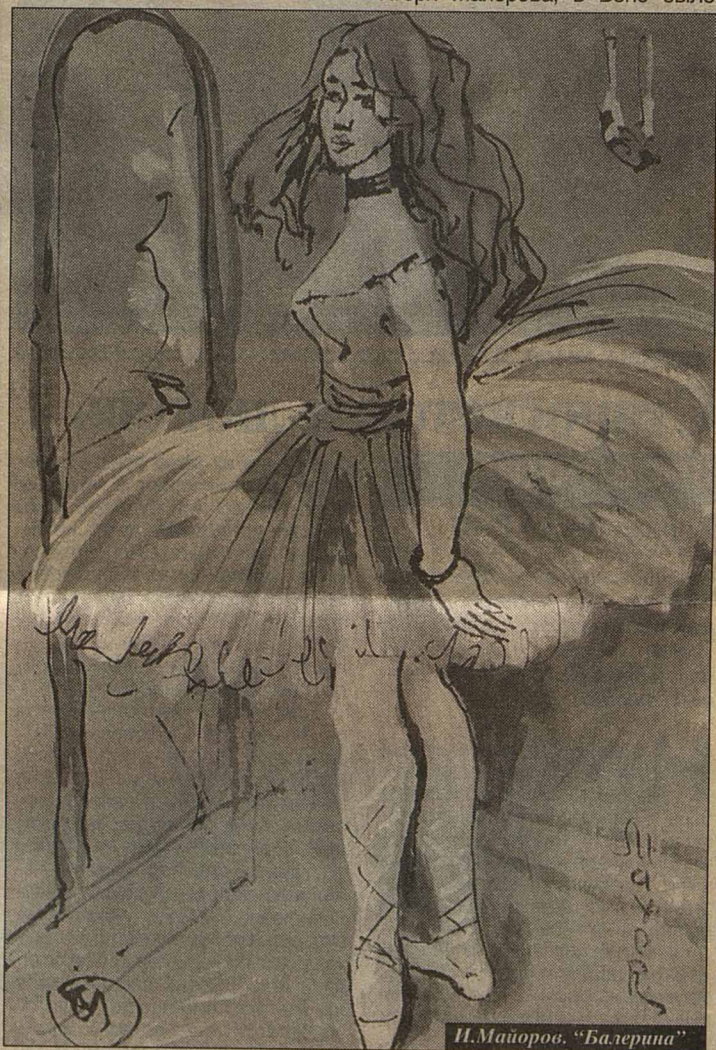
Р. Габитов дарит М. Ростроповичу картину И. Майорова "Бетховен"

в те годы предположить, что спустя два-три десятилетия его наследие будет исчисляться в огромных суммах. Скажем, когда бывшая жена Игоря весной с.г. пыталась вывезти в Дюссельдорф незадекларированные 262 рисунка, таможенный контроль дезавуировал их, оценив художественные ценности в сотни миллионов рублей. Кстати, из-за того, что бывшая супруга не предъявила спецразрешение, которое в таких случаях выдает Минкультуры РФ, изъятые произведения до сих пор находятся в сейфах таможенной службы Пулковского аэропорта.

1981 год принес новые неприятности. В Тихвине, небольшом городке Ленинградской области, защищая пожилую женщину, Майоров в потасовке убивает местного преступного авторитета. Коль скоро жена прокурора доводилась сестрой матерому уголовнику, то дело состряпали быстро. За превышение самообороны Игоря осудили на восемь лет, а бедную, ни в чем не повинную старушку — на пять лет. Роберт Габитов спасал друга, как мог. Обращался в различные инстанции, в том числе и к председателю Комитета советских женщин В. Терешковой, с которой познакомился в Звездном городке в 1977-м. Тогда же и подарил ей картины Майорова. Ходатайства, подписанные Терешковой, помогли. Верховный суд СССР отменил решение Верховного суда РСФСР и освободил невиновных. Я спрашивала у Габитова: "По законам уголовного мира Майорова ждала месть. Почему сокамерники его не убили?". Роберт ответил: "Поразительно, что Игоря любили все — и подследственные, и люди, сидевшие за разные преступления, и охранники. Сам начальник СИЗО его пивом угощал — так ему нравились чеканки Майорова".

Начиная с 1983 года, он приобретает известность как потрясающий имитатор стилей Михаила Шемякина, Евгения Михнова-

Войтенко и Анастасии Зверева. Тут следует сказать, что и в Москве предостаточно искусных подделок "под Зверева", что создает немалые трудности в организации его выставки. Однако "питерский Зверев" хоть и оставался на работах подобие автографа настоящего Зверева, с которым дружил, в профессиональном мире никогда не скрывал занятия, принесшего другим имитаторам огромный доход. Он достигал в мистификации такого уровня подлинности, что и сегодня многие искусствоведы теряются в определении художника. Не буду называть московского коллекционера, бравшего у Майорова "подделку", но известно,

И. Майоров. "Балерина"

что продавал он (в 1989 году!) по пять тысяч рублей за одну картину, а Игорю доставалось 10–15 рублей. Теперь "версии" находятся в личных собраниях как в России, так и за рубежом, и говорят, что наследие мистификатора Майорова составило десятки листов "Шемякина", сотни — "Михнова-Войтенко", почти три тысячи "Зверева". Все, повторяю, успеш-

но продавалось и в те годы, однако Майоров воплощал полную безалаберность, редкую непригодность к жизни, абсолютное равнодушие к ценам на имитации и на собственные оригинальные картины. Похоже, ему были нужны три вещи — свобода творчества, счастье дружеского круга и приветливое отношение. Негде жить, и брат, из-за которого беды начали свой отсчет, пускает переносить за пять рублей? Мать не ценит талант старшего сына, не облегчает ему жизнь хотя бы своей любовью, более того, всячески оберегает собственный семейный покой? Ну так что ж, Бог им судья. Впрочем, и у Игоря не всегда выдерживали нервы. Скажем, в 1985 году в Ленинграде благодаря М. Гимме-Блок готовилась первая выставка Игоря Майорова и последующее его вступление в Союз художников. После очередной ссоры с матерью он продал картины кому попало почти задаром, по рублю. Друзья опешили: уже тогда каждая его работа оценивалась в 150–200 рублей. Не смог, не сумел себя сдержать даже во имя собственного благополучия.

Всю жизнь его окружала слава маргинала. На большее он не рассчитывал и манной небесной не ждал. Обидно сознавать, что до коммерческого успеха и признания на Западе он не дожил всего год. В Гамбурге в 1992-м каждую его работу оценивали в 2,5 тысячи марок. С тех пор его картины осели повсюду — у коллекционеров Финляндии, Англии, Франции. В 1995 году, только в день открытия выставки Игоря Майорова, в Вене было